

4. *Crystal, D.* Language and the Internet / D. Crystal. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. – 304 p.
5. *Щипицина, Л. Ю.* Классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации по их функции / Л. Ю. Щипицина // Извест. Рос. гос. пед. ун-та имени А. И. Герцена. – 2009. – № 114. – С. 171–178.
6. *Bruce, I.* Evolving Genres in Online Domains: The Hybrid Genre of the Participatory News Article / I. Bruce // Genres on the Web: Computational Models and Empirical Studies / ed. A. Mehler, S. Sharoff, M. Santini. – Frankfurt am Main, Leeds, Stockholm : Springer, 2010. – P. 323–348.
7. *Щипицина, Л. Ю.* Жанровый статус сетевого комментария / Л. Ю. Щипицина // Вестн. Башкир. ун-та. – 2015. – Т. 20, № 2. – С. 528–532.
8. *Зубарева, В. М.* Специфика реализации оценки в комментариях к статьям британских онлайн-газет / В. М. Зубарева // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 83, № 29 (320). – С. 66–72.
9. Об утверждении Положения о порядке предварительной идентификации пользователей интернет-ресурса, сетевого издания [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 нояб. 2018 г., № 850 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21800850&p1=1&p5=0>. – Дата доступа : 15.03.2019.
10. *Иванова, С. В.* Жанровые особенности коммента как интернет-текста / С. В. Иванова, В. М. Зубарева // Вестн. Башкир. ун-та. – 2013. – Т. 18, № 4. – С. 1147–1151.
11. *Седов, К. Ф.* Языкознание. Речеведение. Генристика / К. Ф. Седов // Жанры речи : сб. науч. статей / редкол.: В. В. Дементьев (отв. ред.) [и др.]. – Саратов, 2009. – Вып. 6. Жанр и язык. – С. 23–40.

The article discusses media-related, pragmatic, structural-semantic, and stylistic language parameters of a comment on a news article as an Internet discourse genre. The author underlines the independence of the genre discussed and the need to study it as part of the hybrid genre of the participatory news article.

Поступила в редакцию 10.04.2019

А. Н. Воробей

МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНОГО ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА В СУБСТАНДАРТЕ (на материале американского и русского сленга)

В статье описывается методика анализа многозначного производного слова в субстандарте, специфика которого обусловлена вторичным характером сленга как номинативной системы. Существование в сленге дериватов, не совпадающих и совпадающих по форме со словом литературного языка, предполагает учет как сленговых, так и литературных лексико-семантических вариантов при анализе семантической структуры второй группы сленгизмов. В результате проведенного анализа выделяются модели семантической структуры многозначных производных слов в субстандарте, по форме совпадающих со словами литературного языка.

Исследователи не раз отмечали, что многозначное производное слово имеет некую специфику по сравнению с многозначным простым словом, обусловленную спецификой формирования его многозначности: если многозначность простого слова возникает только в результате действия процесса семантической деривации, то многозначность производного слова возникает также и вследствие словообразовательной деривации. При этом семантическая структура производных слов, возникшая в результате словообразовательной деривации, принципиально отличается от семантической структуры непродеривированных слов опосредованной связью значений – через производящую базу [1; 2; 3].

Вторичность сленга по отношению к первичной, материнской системе – литературному языку (ЛЯ) – обуславливает существование в сленге двух типов морфологических дериватов: совпадающих и не совпадающих по форме со словом ЛЯ. Значимость такого деления для анализа семантической структуры производных слов обусловлена тем, что наличие формально (по звуковой оболочке) совпадающей со сленгизмом лексической единицы ЛЯ определяет необходимость учета семантической структуры всей леммы в рамках общенационального языка (сленговые лексико-семантические варианты (ЛСВ) и литературные ЛСВ), а также связей между отдельными ЛСВ.

Цель данного исследования заключается в выявлении моделей семантической структуры многозначного производного слова в субстандарте. Материалом исследования послужили многозначные субстантивные морфологические производные общим количеством 7 436 ЛСВ в американском сленге и 8 490 ЛСВ – в русском, отобранные путем сплошной выборки из словарей американского [4] и русского сленга [5].

Как показывает проведенный анализ, подавляющее большинство многозначных субстантивных производных в сленге формально не совпадают со словом ЛЯ (то есть являются собственно сленгизмами) (5 797 ЛСВ, или 77,9 %, в американском сленге; 7 180 ЛСВ, или 84,6 %, – в русском): *gooey* ‘hash’; *nonplaceville* ‘a dull place’; *rice-belly* ‘a Chinese’; *gator* ‘an alligator’; *гифток* ‘подарок’; *тыркалка* ‘калькулятор’; *идея-фикус* ‘навязчивая идея’.

Морфологические дериваты, совпадающие по форме со словом ЛЯ, представлены в меньшем объеме (1 639 ЛСВ, или 22,1 %, в американском сленге; 1 310 ЛСВ, или 15,4 %, – в русском): *sleeper* ‘an entry in a contest who is unknown or seems to have little chance of winning’; *iceman* ‘a jewel thief’; *may* ‘mayonnaise’; *сачок* ‘дамская сумочка’; *стремянка* ‘конвой’; *чиж* ‘чрезвычайно интересная женщина’; *пятиминутка* ‘психиатрическая экспертиза’.

Семантическая структура многозначных производных сленгизмов, не совпадающих по форме со словом ЛЯ, по-видимому, развивается так же, как и семантическая структура лексических единиц ЛЯ, поэтому в центре данного исследования – многозначные дериваты, по форме совпадающие со словом ЛЯ. Сложность анализа данной группы сленгизмов обусловлена тем, что при определении статуса отдельных ЛСВ в их семантической структуре необходимо учитывать, как уже отмечалось выше, не только сленговые, но и литературные ЛСВ.

В зависимости от типа отношений между совпадающими по форме словообразовательной парой лексических единиц ЛЯ и сленга можно выделить следующие модели.

Первую модель формируемых отношений составили случаи, когда между лексической единицей, мотивирующей слово ЛЯ, и сленгизмом отсутствовали отношения непосредственной словообразовательной производности, что обусловило трактовку сленгизмов как семантических дериватов:

<i>to dust</i> ‘вытирать пыль’ (ЛЯ)	→ <i>duster</i> ‘тряпка для пыли’ (ЛЯ)
	↓
	<i>duster</i> ‘a woman's smock or house-coat, worn over or instead of usual clothes’ (сленг)
<i>дорога</i> (ЛЯ)	→ <i>бездорожье</i> ‘отсутствие или недостаток благоустроенных, удобных для езды дорог’ (ЛЯ)
	↓
	<i>бездорожье</i> ‘бессмысленные, ненужные действия’ (сленг).

В приведенных выше примерах семантическая деривация задействует структурно комплексные единицы в качестве источника номинации, в результате чего формируется «развитая полисемия» [6, с. 21], или, по терминологии П. А. Соболевой [2], – «последовательная», при которой слово мотивируется одной лексической единицей, но при этом имеет прямое и переносное значение. Прямое значение мотивированного слова возникает в процессе словообразовательного акта, а переносное – на базе прямого значения, т.е. слово в переносном значении напрямую не связано словообразовательными отношениями с мотивирующим словом. Поэтому в этих и подобных случаях первые ЛСВ представляют собой результат словообразовательной деривации, а вторичные – результат семантической деривации. Так, в паре *бездорожье*₁ ‘отсутствие или недостаток благоустроенных, удобных для езды дорог’ (ЛЯ) → *бездорожье*₂ ‘бессмысленные, ненужные действия’ (сленг) только слово ЛЯ непосредственно связано с мотивирующим литературным словом *дорога* и представляет собой морфологический аффиксальный дериват. Сленговый ЛСВ такой связи не имеет, что обусловило его отнесение к результату семантической деривации. Ср. также: *deadlights* ‘the eyes’ (в ЛЯ *deadlight* ‘иллюминатор’); *business* ‘a bowel movement’ (в ЛЯ *business* ‘дело, работа, бизнес’); *чернослив* ‘житель Кавказа’; *архитектор* ‘осужденный, работающий в ИТУ каменщиком’.

Вторая модель формируемых отношений может быть представлена следующим образом:

<i>top</i> ‘высшая, верхняя часть чего-либо’ (ЛЯ)	→ <i>topper</i> ‘машина, которая срезает верхушки сорняков’ (ЛЯ)
	→ <i>topper</i> ‘a man's top hat’ (сленг)
<i>черно-бурый</i> (ЛЯ)	→ <i>чернобурка</i> ‘черно-бурая лиса, а также мех этой лисы’ (ЛЯ)
	→ <i>чернобурка</i> ‘наркотическое средство черного цвета из денатурата, пива и политуры’ (сленг).

Дискуссионным в лингвистике является вопрос о том, рассматривать ли подобные наименования в рамках одной лексем. Так, ряд ученых (О. С. Ахманова [7], А. Н. Тихонов [8] и др.) считают данные лексические единицы омонимами. При этом подчеркивается невозможность выделения исходного значения, отсутствие связи между ЛСВ, трактовка используемых аффиксов как омонимичных.

Мы придерживаемся точки зрения лингвистов, которые относят рассматриваемые образования к разряду многозначных лексем: И. С. Улуханова [9], О. П. Ермаковой [10], П. А. Соболевой [2] и др. При этом подчеркивается словообразовательный характер полисемии. Такая точка зрения на рассматриваемое явление кажется нам более адекватно отражающей факты: в подобных мотивированных единицах имеется опосредованная связь ЛСВ, которая осуществляется через мотивирующее слово в виде семы 'имеющее отношение к ...'. Характерными признаками таких многозначных дериватов являются отсутствие иерархии значений и невыводимость одного из другого; открытость семантических структур, следствием которой является способность иметь неограниченное количество прямых номинативных значений как результат неоднократного действия словообразовательной модели [10, с. 109]. В этом случае речь идет о производных ЛСВ, возникающих каждый раз как результат словообразовательного акта, в котором аффикс присоединяется к производящей базе [11, с. 46]. Таким образом, каждый отдельный ЛСВ таких сленгизмов является результатом словообразовательной деривации от соответствующего мотивирующего слова. Ср. также: *trembler* 'a prison inmate who is very fearful of other prisoners' (в ЛЯ *trembler*: 1) 'вибратор'; 2) 'пищуховый пересмешник'; 3) 'землетрясение'); *хулиганка* 'статья уголовного кодекса о хулиганстве', *толстяк* 'толстый журнал', *ночник* 'ночной вор'.

Похожая картина отмечена в случаях, когда сленгизм совпадает со словом ЛЯ со стертой этимологией:

голый (ЛЯ) → *голень* (ЛЯ)
→ *голень* 'порнография, порнографический альбом' (сленг).

Внутренняя форма слов ЛЯ, с которыми сленгизмы совпадают по форме, на данном этапе развития языка затемнена и восстанавливается в большинстве случаев только путем этимологического анализа. В сленге же в результате действия процесса морфологической деривации наблюдается процесс оживления внутренней формы слов со стертой этимологией [12, с. 33]. Таким образом, в сленге оказывается эксплицитной представлена внутренняя форма лексических единиц, которая в ЛЯ на данном этапе его развития представлена имплицитно. Ср. также: *белка* 'белая горячка', *дневник* 'человек, работающий в дневную смену', *звенья* 'посуда'.

Третья модель формируемых отношений между словообразовательной парой лексических единиц ЛЯ и сленга может быть представлена следующим образом:

<i>соляровый</i> (ЛЯ)	→ <i>солярка</i> ‘соляровое масло’ (ЛЯ)
<i>соло</i> (ЛЯ)	→ <i>солярка</i> ‘гитара соло, партия на гитаре соло (в рок-музыке)’ (сленг)
<i>курица</i> (ЛЯ)	→ <i>курятина</i> (ЛЯ)
<i>курить</i> (ЛЯ)	→ <i>курятина</i> ‘сигареты, папиросы’ (сленг).

Как видно из приведенных примеров, слово ЛЯ и совпадающий с ним по форме сленгизм не связаны между собой ни отношениями семантической производности, ни посредством своих производящих баз (то есть путем словообразовательной деривации), что имеет результатом их отнесение к морфологическим дериватам.

Похожая ситуация наблюдается в случаях, когда мотивирующий сленгизм представляет собой результат паронимической аттракции, под которой понимается «подбор для обозначения какого-то явления общелитературного слова, сходного по звучанию с другим социолектизмом, словом общенародного языка или немотивированным (чаще всего, иноязычным) словом, обозначающим это же явление» [12, с. 57].

<i>мыло</i> (ЛЯ)	→ <i>мельница</i> (ЛЯ)
<i>мыло</i> ‘электронная почта’ (к англ. <i>mail</i> ‘почта’) (сленг)	→ <i>мельница</i> ‘почтовый ящик на сервере или на персональном компьютере’ (сленг).

Как видно из приведенного примера, сленгизм *мельница* соотносится со своим мотивирующим словом *мыло* так же, как и аналогичное слово ЛЯ со своей производящей базой. В то же время семантическая связь между двумя мотивирующими словами отсутствует: сленгизм *мыло* представляет собой результат паронимической аттракции к англ. *mail* ‘почта’, что имеет своим следствием мену внутренней формы сленгизма [12, с. 53], когда сленгизм и совпадающее с ним по форме слово ЛЯ имеют различную мотивировку. Ср. также: *индия* ‘любая музыка, сходная с западной музыкой стиля инди-пендент’ → *индюк* ‘музыкант, исполняющий альтернативную музыку’; *бан* ‘вокзал’ (нем. *Bahn* ‘вокзал’) → *баницик* ‘вокзальный вор’.

Таким образом, в этих и подобных случаях сленговая пара формально воспроизводит словообразовательные отношения пары слов ЛЯ, а семантически – нет, что обусловило интерпретацию этих и подобных производных сленгизмов как морфологических, а не семантических, дериватов.

Четвертая модель отношений между словом ЛЯ и совпадающим с ним по форме сленгизмом может быть проиллюстрирована следующими примерами:

<i>Hell</i> ‘ад’ (ЛЯ)	<i>heller</i> (от нем. <i>haller</i> ‘серебряная монета’) ‘денежная единица Чешской Республики’ (ЛЯ) → <i>heller</i> ‘a remarkable person’ (сленг)
<i>суд</i> (ЛЯ)	<i>судак</i> ‘пресноводная или морская промысловая рыба сем. окунёвых’ (ЛЯ) → <i>судак</i> ‘член суда’ (сленг).

В приведенных примерах сленгизмы (*heller* ‘a remarkable person’; *судак* ‘член суда’) находятся в отношениях словообразовательной и семантической производности с мотивирующими словами ЛЯ (*Hell*; *суд*), в то время как совпадающие со сленгизмом слова ЛЯ таких отношений не демонстрируют. Во всех приведенных примерах слово ЛЯ, с которым сленгизм совпадает по форме, представляет собой немотивированную лексическую единицу, в то время как сам сленгизм является морфологическим дериватом, что имеет своим результатом создание внутренней формы [12, с. 54]. Ср. также: *gunny* ‘a gunman’ (в ЛЯ *gunny* ‘джутовая мешочная ткань’ (от идиш *gōnī* в том же значении)); *гуляш* ‘прогулка’.

Таким образом, в вышеприведенных случаях наблюдается омонимичное совпадение сленгизма со словом ЛЯ, что создает возможность своеобразной языковой, или словесной, игры. Похожая ситуация наблюдается в случаях народной этимологии, когда «в результате случайно возникшего частичного фонетического совпадения этимологически неродственные слова начинают связываться друг с другом» [13, с. 262]. Данное явление имеет место в тех случаях, когда подлинная этимология слова затемнена и оно лишено каких-либо других связей, в результате чего наблюдается «естественное стремление носителя языка найти знакомые элементы в слове» [13, с. 262].

И, наконец, последняя модель формируемых отношений между словообразовательной парой лексических единиц ЛЯ и сленга может быть представлена следующим образом:

garden ‘сад’ (ЛЯ) → *gardener* ‘садовник’ (ЛЯ)
garden ‘in baseball, the outfield’ (сленг) → *gardener* ‘in baseball, an outfielder’ (сленг).

Как видно из приведенного примера, сленгизм *gardener* ‘in baseball, an outfielder’ мотивирован сленгизмом *garden* ‘in baseball, the outfield’, который, в свою очередь, является семантическим дериватом от слова ЛЯ.

В качестве мотивирующих слов в подобных случаях могут выступать:

а) сленгизмы, являющиеся семантическими дериватами слов ЛЯ: *читать* ‘выпивать’ (сленг) → *читатель* ‘алкоголик, любитель выпить’ (сленг);

б) вторичные ЛСВ слов ЛЯ: *to blow*₁ ‘дуть’ (ЛЯ) → *to blow*₂ ‘сморкаться’ (ЛЯ) → *blower* ‘a handkerchief’ (сленг); *зажигать*₁ ‘заставить гореть’ (ЛЯ) → *зажигать*₂ ‘возбудить, воодушевить’ (ЛЯ) → *зажигалка* ‘воодушевленная, бойкая абитуриентка’ (сленг).

Наличие слова ЛЯ, совпадающего по форме со сленгизмом (*blower* ‘a person or thing that blows’; *зажигалка* ‘прибор для получения огня’), обуславливает, на наш взгляд, возможность нескольких интерпретаций способа образования сленгизма.

В силу вторичности сленга как номинативной системы его можно рассматривать и как семантический дериват от слова ЛЯ: *зажигалка*₁ ‘прибор для получения огня’ (ЛЯ) → *зажигалка*₂ ‘воодушевленная, бойкая абитуриентка’ (сленг). Однако такому рассмотрению, по нашему мнению, препятствует наличие у производящей литературной базы *зажигать* перенос-

ного значения 'возбудить, воодушевить', на основе которого образован сленгизм. Поэтому такие случаи трактуются нами как морфологические дериваты, так как формально и семантически они выводятся из производящих баз: *зажигать*₂ 'возбудить, воодушевить' (ЛЯ) → *зажигалка* 'воодушевленная, бойкая абитуриентка' (сленг).

Таким образом, даже при совпадении сленгизма со словом ЛЯ появление таких производных – «... акт чисто словообразовательный» [14, с. 69], что обусловило отнесение подобных случаев к результату словообразовательных процессов, а не семантической деривации. Во всех вышеприведенных примерах в сленге «воспроизводится словообразовательная модель словообразовательной пары слов ЛЯ» [12, с. 41], в результате чего между словообразовательной парой слов сленга и словообразовательной парой слов ЛЯ образуется квадрат, аналогичный квадрату Дж. Гринберга.

Несколько иной случай представлен сленгизмами: *чиж* 'чрезвычайно интересная женщина'; *тон* 'тайное общество наркоманов'; *стон* 'специальная тюрьма особого назначения'; *гроб* 'система учреждений и мероприятий гражданской обороны'; *вопли* 'журнал «Вопросы литературы»'; *бог* 'Борис Гребенщиков' и др. Вышеприведенные сленгизмы (0,3 % в русском сленге; в американском сленге не отмечены) также допускают неоднозначность интерпретации: либо как сокращений, либо как семантических дериватов от слов ЛЯ. Их отнесению к семантическим дериватам, а не к сокращениям, способствует тот факт, что в ряде случаев (*вопли*, *стон*, *бог*) рассматриваемые сленгизмы демонстрируют нетипичные для русского языка модели сокращений, в котором усечения на открытом слоге менее продуктивны, чем на закрытом. Однако, на наш взгляд, отсутствие семантической связи между словом ЛЯ и совпадающим с ним по форме сленгизмом препятствует их рассмотрению как семантических дериватов, что обусловило трактовку этих и подобных сленгизмов как сокращений. В ряде случаев подобные сленгизмы представляют собой примеры дезаббревиации, то есть обратного раскодирования аббревиатур: *вуз* 'девушка, которая учится в вузе для того, чтобы найти мужа' (от *выйти удачно замуж*).

Таким образом, семантическая структура многозначного производного слова в субстандарте имеет определенную специфику, обусловленную вторичностью сленга как номинативной системы по отношению к системе ЛЯ. Поэтому анализ семантической структуры многозначных производных сленгизмов, совпадающих по форме со словом ЛЯ, предусматривает рассмотрение как сленговых, так и литературных ЛСВ и учет связей между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова, О. П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. П. Ермакова. – М., 1977. – 433 л.

2. *Соболева, П. А.* Словообразовательная омонимия и полисемия / П. А. Соболева. – М. : Наука, 1980. – 294 с.
3. *Бобровская, Е. Н.* Множественная деривация как источник полисемии производного слова : на материале суффиксальных производных прилагательных современного английского языка : дис ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Н. Бобровская. – М., 1984. – 290 л.
4. *Thorne, T.* Dictionary of contemporary slang / T. Thorne. – 3rd ed. – London : A & C Black Publ. Ltd, 2007. – 494 p.
5. *Мокиенко, В. М.* Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2000. – 720 с.
6. *Мусатов, В. Н.* Словообразовательная полисемия отглагольных суффиксальных существительных в современном русском языке / В. Н. Мусатов. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2014. – 448 с.
7. *Ахманова, О. С.* Словарь омонимов русского языка / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1974. – 448 с.
8. *Тихонов, А. Н.* Словообразовательные омонимы в русском языке / А. Н. Тихонов // Рус. яз. в школе. – 1971. – № 1. – С. 88–93.
9. *Улуханов, И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 256 с.
10. *Ермакова, О. П.* Вторичная номинация в семантической структуре многозначных производных слов / О. П. Ермакова // Способы номинации в современном русском языке / О. П. Ермакова. – М., 1982. – С. 109–123.
11. *Полянчук, О. Б.* Динамика соотношения типов языковых значений в производных словах, развивающих многозначность (на материале французского языка) / О. Б. Полянчук // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 3. – С. 44–50.
12. *Лукашанец, Е. Г.* Словообразовательная система русского аргю и проблемы ее описания / Е. Г. Лукашанец. – Минск : МГЛУ, 2007. – 300 с.
13. *Пауль, Г.* Принципы истории языка / Г. Пауль ; пер. с нем. под ред. А. А. Холодовича ; вступ. ст. С. Д. Кацнельсона. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.
14. *Козинец, С. Б.* Словообразовательная метафора и смежные с ней явления / С. Б. Козинец // Рус. яз. в школе. – 2007. – № 2. – С. 68–72.

The article deals with the methodology of analysis of the semantic structure of polysemantic derivatives in the substandard, the peculiarities of which are conditioned by the secondary nature of the substandard in relation to the literary language. The existence of substandard derivatives formally coinciding with literary words presupposes taking into consideration both vernacular lexical-semantic variants and literary ones in the process of the analysis of their semantic structure. As a result, models of semantic structure of substandard derivatives formally coinciding with literary words are singled out.

Поступила в редакцию 27.05.2019